

Наталья ДЖУРОВИЧ

ПЛАЧ МЕДВЕДИЦЫ

Наталья Александровна Джурович (Унгерова) родилась в Москве. Окончила филологический факультет Российского православного университета им. Св. Иоанна Богослова. Поэт, переводчик, публиковалась в журналах «Наши современники», «Подъём», «Гостинный двор» и др. Автор сборников стихов «Нескончаемое лето», «Двуличие» (2021), книги прозы и стихов «Крестonosная Румия» (в соавторстве с Н. Милаковичем). Участник 15-го Международного Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Лауреат Международного поэтического конкурса им. Григорьева. Живёт в Тамбове.

КОЛЯ

Выжив после танкового боя,
Не сдалось родное деревцо,
И луганский мальчик
из детдома —
Это новый Николай Рубцов.

Ветром надувается рубашка,
Сноса нет, нерасторжима связь.
Коля петь захочет о ромашках,
Над тетрадкой школьной
наклонясь.

Жизнь пройдёт, гармонь своим
уроком
И страдать научит, и терпеть.
Отзовётся Коле Заволокин —
Одному всех бед не перепеть.

Слышишь, гулкой песней кто-то
славит
Мира долгожданного творцов.
Ветер это? Мальчик?
Или память?
Или снова — Николай Рубцов?..

СЫНУ

Дерево жадно дождики пьёт,
Душу леча от осенних пожарищ,
А ты стоишь и — ни шагу вперёд,
Первую оттепель запоминаешь.
Вижу проталины, видишь

ты знак —

Первых ручьёв озорные изгибы.

Шарфик — потуже —

и в дом — никак!

Я — из числа, вероятно, зевак,
Что эту оттепель не нашли бы,
Если б не ты, тех защитник мест,
Что сам ещё никогда не видел.
Ты — удивительный мой замес
Юга и севера, снов и открытий.
Некого мне поругать за то,
Что убегаю всегда от простого.
Колосок недозревший мой,

золото,

Величина российского стога!

Всё ещё с места ни шагу, и всех

Ты и задумчивее, и грустнее.

Слышишь, как баба метёт сусек,

Деда ругая ли, новый век:

«В этом году больше наедем».

ТЕРЕМОК

Выпью ледяной воды.

Богатырь в холодной пене,

С рук моих сошедший с пеннием,

Не привыкший к южной лени,

Холит севера сады.

В вещем сне повален дуб,

Сын мой ставит мощный сруб.

— Что ты строишь? — Теремок,

Тот, что от беды далёк.

Дунет ветер, конь сорвётся

С неба огненной стрелой.

— Обойдётся? — Обойдётся —

Мы под крышею родной!

Раздаёт весна ордена,
Звёзды светятся в ветках сада.
Мне понятна отчаянная весна
Тютчева и Мачадо.

Грузовик, на стекле — колобок,
Добрый, мудрый рисунок

детский.

«Ты катись, от беды недалёк,
Ты сумей вернуться, отец мой».

«Догоню, — прокричишь, —

доберусь,

Успокой-водою умоюсь.

Белым соколом обернусь,

Сяду лихо в тамбовский поезд...»

Город тонет в потоках стрел,

Превращающихся в колосья.

«Сыну завтра исполнится восемь.

Я приехать живым успел».

95

Дал Господь вам молодость —

С годом этим справиться.

На вешалке модное

Мне на праздник платьице.

Молоды родители,

Неплохие отпрыски.

Вести с телевидения —

Все в бессрочном отпуске.

Май в звонках и встрясках.

Первый класс окончен.

Как же всё напрасно,

Как же всё непрочно!

Папы безработные,

Сто рублей помятые.

Лето Господнее,

Девяносто пятое.

Сын трёхцветные камешки
Отыскал у пруда.
Собирает в кармашек их.
«Да в своих не кидай!»
То ли мнит их игрушками:
Это — заяц, там — слон...
Мальчик горстку послушную
Насыпает в ладонь.
Взяв один, полюбуется
Отголоском скалы,
Строя «горы» на улице,
Что не так уж малы.
Горы, домик... громадины —
Не разрушил бы кто.
На любого создателя
Покушается зло.
Мир лютует и бесится,
Как весной ледоход.
Сын в последние месяцы
Слишком быстро растёт.

Памяти А.И. Казинцева

Всё уходит. И день улетает
от нас,
Не жалея о прерванности
отношений,
Отстучал он по клавишам:
«Раз, два, три, раз...» —
И порвался, как рвётся цепочка
на шее.
После бала возможно ли будет
найти?
Это — нет, не хрусталь,
Но прозрачней и тоньше.
День лучом задержался у нас
на пути
И — исчез, на дитя-непоседу
похожий.

Прерывается, видимо, что-то,
но до,
До того, как потерю с тобой
обозначим,
Посмотри, как сверкают
дождевики слюдой.
Наш обкошенный сад —
словно стриженный мальчик,
Он растерян, и в этом нет
нашей вины,
Разве только, что вторить
полётам пернатых
Листья могут, а мы — рождены...
Рождены,
Чтобы дням дарить память
бессмертной длины,
Чтобы мальчик родился
в садовых палатах.

Ночные ткани впитывают
важное,
Всей плотью принимая, берегут
Моих ладоней состраданье
влажное
И сырый, покосившийся уют.
Так жить и жить, в покорности,
в поклоне,
Как Серафимы, хижины
идут...
Я загадаю: пусть река с затоном,
С ромашковым нестоптанным
бутоном
На сто веков меня переживут.
Здесь, у реки — послушай —
гимна пение,
Здесь россыпь рос, победа СВО
И самое святое возвращенье —
Здесь — возвращенье сына моего!

1

Вот стоит портфель, готовый
к «битве»:
В клетку самолёты, корабли...
«Речь родная» с корешком
прошитым
Улетает от родной земли.

По звонку, как будто по тревоге,
Улетает, чтобы прозвучать
За чертой безумной, страшной,
строгой
Словом первым и последним —
«мать».

2

В памяти остался день в музее:
Треугольный лист в руках
держу,
Чувствуя, как руки леденеют,
На которых сына я ношу...

Сад разросся, молодой
и сильный,
Расправляя крылья, чтоб лететь.
Только хлещет по щеке осина
Листьями, похожими на смерть.

Стихи вдогонку читаю —
Не щедро, но чем богата.
Кровь на ветвях созерцая,
Рябину бинтую, как брата.
Что ж, повторюсь, чем богата.
Дай только, Боже, ума
Жизнь положить за брата,
Вырастить сына-солдата
И не отдать задарма.

Струны гуслей густы, как травы.
Сын, ещё не умея сказать,
Полюбил стариковы нравы,
Нестареющих слов благодать.

Было, встретив нас, крикнут:
«Дочкя!»
А надясь я забыла сказать...»
Одуванчик в махровых носочках
Сыну робко заглянет в глаза.

А зимой? — снова гусли, гусли...
Дворик — песня, льдинка —
струна.
Чей-то посох в снежинках
хрустнул,
И простилась чья-то вина.

Возвращение — верный
кудесник.
Вспять дорога, спокойно спи.
Адреса колыбельных песен,
Всех, что есть на земле,
— твои.

Бродяга, судьбу проклиная...

«Вот это виды! Каково!» —
Котомка с буквой V заплечная.
Бродяга, дав чистосердечное,
Идёт с сумой на СВО.

На автотрассе «Еланцы»,
Вблизи Куркутского залива,
Высматривает перспективу
Для тех, кто наложил в штаны.

Они — «особый контингент».
Вновь актуальны «Озерлаг».

Двухцветные облезли стяги —
Не тот пошёл «интеллигент».

Не поп, не Ваня, не Эфрон,
За что боролся — хрен узнает.
Он, видно, перепутал фронт,
А правда вышла — несмешная.

А правда — наша! На крови.
Запомни, если кто не знает.
Идёт бродяга с буквой V,
Судьбу и «ридну» проклиная.

КОЛЧАК В ИРКУТСКЕ

Из года в год течёт река,
Как до расстрела Колчака.
Суровый миф ли? Правда злая?
Но я жила, того не зная.

Верховный бронзовый герой,
Близ Знаменского,
в «сухопутке»,
Он двадцать лет глядит иркутке
В глаза, и медный взгляд тяжёл.

Пусть твой не кончится поход,
И я свою не ставлю точку —
Есть сын, и, может, будет дочка
И в честь тебя свечу зажжёт.

О НЕРПАХ И ВЕРБАХ

Хочу уехать из высотки,
Чтоб поселиться возле сопки
И там молиться об усопших,
Досматривать их сны.
И посадить в их память вербу,
Пушистую, как дочка нерпы,
И добрую, как сын.

Белеет верба в день субботы
На сопке, словно возле грота.
О ней, о ней в своём блокноте
Напишет Блок!
Страстной недели ночь шестая.
На полке книг —
Юван Шесталов.

А на кровати, как белёк,
Пасхальный дремлет мой сынок.

На ладонях донниковый запах,
Будет нам зимой душистый чай.
Те цветы — как жёлтые жирафы
С озера таинственного Чад.

Девяносто первый,
«Просвещение»,
На форзаце — цифры номерка.
Веришь ли, спасла
я от сожженья —
Боже! — Гумилёва из ДК.

Года три растёт трава у входа.
Да, библиотека не нужна
Трудовому сельскому народу —
Вырыть бы картошку
до дождя!..

Мне же повезло, и,
как ромашки,
Ставлю книги в комнате своей.
Пахнет мёдом донник в старой
чашке,
И бредёт жираф среди полей.

Новая Земля сверкнёт узорно,
Брат наш и её преодолет.
Ледокол «Сибирь» идёт упорно,
Ставя флаг во льдах Гипербореи.

Спи, сынок, учусь скрывать
тревоги я,
И лишь с книгой ими я делюсь.
Вот глядит опять она, убогая,
Со страниц, моя Святая Русь,

Где всё больше колыбелек
брошенных
И до срока выросших парней:
Николаев, Сёмушек, Алёшенек —
Из гранита, бронзы и камней.

Нет, не завтра состоятся проводы,
Спи, мой сын, Россия велика.
Спишь под одеялом ты
суконным,
И Суконка — движется река...

Ноет сердце, как ребёнок
крутится,
Рвётся, как в траве речная нить.
Рвётся сердце — мальчика
приютского,
Коленьку, усыновить.

ПЛАЧ МЕДВЕДИЦЫ

Я — медведица, согнутая спина,
В лапах сжала золото руна.

Улица-страдалица вздохнёт,
Сына-медвежонка уведёт.
В лапах — свиток лунный,
как луной
Ниткой он пронизан золотой, —
Сыну на прощание вручу
И по-матерински проворчу:
«Вечно бродишь, только лишь
подрос.
Для кого же берег, лес и плёс?
Для кого колосьев спелый
дух?» —

Неспокоен материнский нюх.
Я ищу, я путаюсь в следах
В кем-то перерубленных садах —
Нет, не ты, не ты то был, сынок,
Ты — не мог!
Ты — пещерный, скромный,
добр душой,
Вечно юный, навсегда большой.
Бурный норов, а душа полна
Золотом небесного руна.
Гонят со двора неожиданный дар:
«Нюркиных курей вчера
задрал!..»

Я-то знаю, это был не ты,
Ты — хотел нести им доброты.
Камень и кашкан тебе. И крест.
Для руна не хватит в душах
мест.

